

Игорь КРУПКО,

*доктор философии, заместитель директора Международного
центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО
по науке и внешним связям*

ГЕНИЙ ПАМЯТИ

...Сейчас мы отвечаем за слова.
На нас глядят.
Любой – на авансцене.
Когда из нас исходят Авиценны,
у Азии кружится голова.

Она глядит неласково, до слёз,
когда мы возникаем, как прозрение, –
своей судьбой, своими подозрениями
мы молча отвечаем на вопрос.

Олжас Сулейменов, 1966 г.

14 июня 2024 года завершился круг земного пути Мурата Ауэзова. И началась его вечная жизнь – в истории.

Он жил долго, но ушёл слишком рано. Неизлечимо рано. И это потеря для нации, ещё только обретающей, осознающей своё *право быть* в мировой истории не жертвой, но творцом – достойным среди равных. Кому теперь удерживать времён связующую нить истории казахов, восстановленную великими в 60–80-е годы прошлого века? Таких осталось, быть может, лишь двое. И их судьбы – биография народа. И каждая такая потеря сокращает для культуры шанс продолжить путь в будущее. Шанс, который даётся раз в столетие.

* * *

В день 80-летия Мурата Ауэзова

Новая четверть века открылась для казахстанских читателей публикацией в январском номере журнала «Простор» произведения Бахытжана Канакпьянова «По ту сторону Луны», посвящённого памяти Мурата Мухтаровича. Несмотря на определение «литературоведческие этюды», данное автором, это большое произведение историософского жанра, отточенного им за годы

открытий в поэтической мастерской и полвека, отпущенные дружбой странника осевого времени – Мурата Ауэзова.

Бахытжан Канапьянов – поэт эпохи великого читателя, известный новым поколениям в XXI веке под именем Жан Бахыт. Носитель фамилии, сделавшей многое, чтобы казахи сохранились как читающая нация.

Вспоминаю, как однажды Бахытжан Мусаханович прочёл мне своё стихотворение «Мәңгілік ел». Спустя годы слова стёрлись из памяти, но ещё звучит энергия его удивительной интонации. В тот день читал поэт, и мощь его исходила гулом времени, пенилась кипящим эпосом, вторгаясь в непотревоженное историей царство прозы. Преобразился маленький кабинет в издательском доме. Разгорался костёр устной речи, книги раздвинулись, затрепетали страницы – с них срывался живой поток прошлого и угадывалось будущее казахов. Грозно, с вопросом – по ту сторону памяти – взглянул на меня чей-то предок.

В тот день я видел мастера поэтического слова. Неслучайно Мурат Мухтарович любил слушать стихи Бахытжана Канапьянова в авторском исполнении¹.

* * *

В воспоминаниях о гении неизбежно притяжение своей судьбы. Может быть, этим особенно дороги страницы его повести. Читая, мы хотим знать – как он отразился в тысяче и одном зеркале души, оставшись в них навсегда.

Судьба Мурата Ауэзова и есть такое зеркало казахской культуры второй половины XX века. Его великое поколение искало и находило для нации формулы пути, принимаемые или отвергаемые судьбой. В интеллектуальную историю Казахстана войдёт учение Мурата Мухтаровича о деколонизации сознания, опыт движения «Жас тулпар», легендарная «Эстетика кочевья», создание культурологического альманаха «Рух-Мирас», «Беседы на Великом Шёлковом пути», государственная программа «Культурное наследие»... А его ежегодные беседы с Олжасом Сулейменовым в Национальной библиотеке, где наша интеллигенция обретала себя! Я помню эти праздничные встречи и волны трепета в зрительном зале, когда на сцену легко поднимались гении.

Одну из таких бесед в мае 2014-го Мурат Ауэзов начал с громкой дискуссии об определениях «гений» и «великий»:

– Кого из великих через века народ радостно назовёт гением?

В этот момент на сцену к микрофону уверенно вышел Дюсенбек Накипов в праздничном напряжении духа. В зале послышался ропот. Но Олжас Омарович, оценив ситуацию, легко разрядил её:

– Когда говорят «гений», на сцену сразу выходит Дюсен. Я готов поделиться – отдать ему или «великого», или «гения»...

Те встречи рождали лучшее, что ещё живёт в нас.

...Природа странника по-разному проявлялась в биографии Мурата Мухтаровича. Новые поколения встречали его на своём пути как сына великого писателя, порой – как соратника великого времени. Но приближаясь по-

¹ Творчество Бахытжана Канапьянова традиционно относится к поколению семидесятников, порождённых эпохой безвременья, когда будущее, в которое прорвались, приблизив его, шестидесятники, было запрещено, так же, как и прошлое, открытое ими. Время, когда, по словам Александра Гениса, будущее заменил план, а прошлое – отчёт.

Серебро семидесятнического неоромантизма переплавлялось на инструменты чернорабочих исторической памяти, чей тяжкий труд замечается во тьме благодаря мерцанию светлой печали их творчества. Громадный груз форм героической культуры свободы шестидесятников в условиях ритуализации и нарастающей агонии окружающего мира определил характер следующего поколения художников: эстетическое вольнолюбие, мудрая ирония, книжная память, созерцание истин. И если шестидесятники были творцами истории по крайней мере двух эпох (оттепели и перестройки), семидесятники оставались скорее мудрыми непротивленцами. Знающими и помнящими.

настоящему, согревались у костра его удивительной речи, всегда настроенной на мощную волну мысли. В ней находилось место каждому. Он был гением беседы, диалога, встречи в пути.

Однажды на вопрос Жан Бахыта о даре устного слова и переводе его на язык письма Странник ответил: разница между устным словом и письменным такая же, как между Творцом и священной книгой.

Многим было дано участвовать в этом таинстве. Быть радостным свидетелем творения слова. Я видел, как в разговоре Мурат Мухтарович щедро одаривал собеседника знанием, посвящая в историю и делая его своим современником:

«Мир кочевья с его конкретным историко-культурным опытом нужен был прежде всего для того, чтобы возродить вспоминающую, а затем и “фантазирующую” **способности памяти**. Переступить, уйти из-под власти “реального” времени, с надеждой в будущем обрести и само национальное время – вот основные движущие мотивы во всем, что писал и о чем думал в последние годы.

Непременные условия возрождения, **возвращения силы слову** – выпадение из условностей чуждого времени. Какую перспективу быть услышанным можно обещать слову... в народе, жизненным принципом которого после потрясений последних столетий не могла не стать выживаемость любой ценой?»

Новая книга Бахытжана Канапьянова, посвящённая памяти друга и наставника, начинаясь как поэтическое эссе, разрастается до значения и объёмов научной монографии. В этом отношении у поэта, издавшего все произведения Мурата Мухтаровича, богатый опыт. В своё время публикация дневников и трудов Мурата Ауэзова 1970-х в издательском доме «Жибек Жоль» стала важным событием, значение которого ещё предстоит усвоить. Этот яркий пример деколонизации исторической памяти, которую автор произвёл над собой в те годы, важен именно сейчас как акт самосозидания, необходимый и для осознания новыми поколениями того, что деколонизальные концепции были не заимствованы с опозданием на десятилетия в XXI столетии, но вызревали внутри казахской интеллигенции весь XX век и прошли эволюционный путь, найдя самое точное выражение в формуле Олжаса Сулейменова: **«От веков зависимости, через период независимости – к эпохе осознанной взаимозависимости»**.

Но прежде чем прийти к такой формуле пути, казахским мыслителям предстояло честно осмыслить свою историю. Ярким примером такой выстраданной невозможности молчать стало выступление Мурата Мухтаровича на Пленуме Союза писателей КазССР 15 сентября 1975 года:

«В Казахстане в результате перегибов, допущенных в области коллективизации, в 1932–1933 годах произошёл голод. Численность населения кочевых и полукочевых скотоводческих районов резко сократилась. Об этом знают в каждой семье. Не знают этого, за редким исключением, бумага, холст, экран. Если быть точнее, не знает художественное сознание...

Крах традиционного кочевья был предопределён объективным ходом истории, но финал его был столь трагичным, что последствия глубочайшего шока, поразившего национальное сознание, дают о себе знать и теперь. Не сумев отреагировать на происшедшее, казахское художественное сознание лишилось главного свойства – быть пронизательным и правдивым...»

В «По ту сторону Луны» отмечено: в своих дневниках 1970-х годов Мурат Ауэзов определяет *становление себя человеком пути* как одну из экзистенциальных задач. Вырваться за пределы круга, пропустить сквозь себя линию времени и продолжиться в ней.

Мотив пути – одна из базовых метафор человечества, воплотившая вечное движение и всемирную отзывчивость кочевников. В историософии прошлых

веков кочевая культура, покоряя пространства свободно от оседлой хронологии, застыла в границах времени, установленных «историко-культурными соображениями» колониальной историографии. Преодолевая их в XX веке, походы в историю возглавили отважные одиночки, искавшие правду об истории казахов в древних истинах Шумера, Египта, Китая... Апофеозом этой интеллектуальной борьбы ровно пятьдесят лет назад стала судьба двух книг, возвысивших голос исторической правды в защиту кочевой культуры – во имя обретения её наследниками исторической памяти: «Аз и Я» Олжаса Сулейменова и сборник под редакцией Мурата Ауэзова «Эстетика кочевья». Судьба первой книги широко известна – она стала настоящим бестселлером и обрела культовый статус для нескольких поколений читателей Евразии, выдержав мощную идеологическую критику в Академии наук СССР, ЦК КПСС и издание многотысячного тиража (по воспоминаниям некоторых свидетелей того времени, часть тиража была помещена под стражу в тюремные библиотеки).

Вторую книгу ждала судьба более трагическая: после выпуска представители компетентных органов приехали в Институт философии, издавший её, и тщательно уничтожили тираж с помощью типографского прибора с почти трагифарсовым названием «тильотина».

В те исторические дни в письме секретарю ЦК КПСС Зимянину заместитель министра иностранных дел СССР Владимир Семёнов (называемый в западной печати «серым кардиналом советского МИДа») писал: «...Фактически это настоящая вылазка националистического, пантюркистского характера, направленная против линии КПСС в области дальнейшего укрепления дружбы народов и советского патриотизма. О. Сулейменов пишет, что у него имеются «последователи» среди писателей Казахстана. Возможно, это нацелено на сколачивание диссидентов-националистов» (*Российский государственный архив науки и искусства, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 11*).

Несмотря на разный «приговор», время вынесло обеим книгам свой вердикт: они стали главами ещё не написанной истории тюркских народов в их взаимодействии с культурами древнего мира. Историческим произведением правды, где главным сюжетом стало драматическое обретение народами своего самосознания – навстречу себе, узнаваясь в другом.

В 1976 году, в разгар этой идеологической кампании, из журнала «Простор» была изъята статья Мурата Ауэзова «Осенённый выдохом вечности», посвящённая анализу книги. В ней молодой учёный и лидер движения «Жас тулпар» оставил об «Аз и Я» самые точные слова: «...Книге суждена большая биография. Не только потому, что долго в памяти потомков будут жить великие литературные произведения древности – шумерский эпос, поэзия древнетюркского каганата, “Слово о полку Игореве”, в исследовании и новом прочтении которых уже никто не сможет не считаться с коррективами Сулейменова. Ещё остаются борющиеся за своё утверждение национальные культуры и остаётся проблема восстановления подлинного родства народов мира в масштабах единой истории человечества».

В 1960–1980-е годы благодаря активной деятельности интеллигенции в национальных республиках происходило осмысление исторического опыта для перехода в состояние активного действия. Это было время осознанной взаимозависимости литературы и нации в диалоге с миром. Время, когда культура воплощала реальные творческие возможности обретения народом своего пути. Литературные произведения тех десятилетий вернули казахской культуре великие имена, несколько доказательных веков и тысячелетий, знанием сблизив биографии народов на дорогах в будущее, подарив им

историческую память и право на действие в XXI веке. История эта лучше всего отразилась в классической документальной кино-метафоре Бахытжана Канапьянова «Балхашская сага» 1990 года о таинственном шведе Иманте Андерсоне, четверть века прожившем отшельником у Балхаша, и о большой истории, пробуждённой волей людей. В фильме рассказана судьба человека между двумя эпохами: временем, когда целые народы безвинно «наказывали», переселяя и сокращая – и эпохой осознания ими своего *права быть* на Земле не жертвами, но творцами будущего. Так возвращалась к жизни творческая воля и энергия народов, которые после ударов истории с трагическим упорством возвращали поколения выживших, десятилетиями накапливая энергию памяти для рождения новых гениев. Автором дикторского текста и ведущим фильма был Мурат Ауэзов.

Кино завершается кадрами митинга Международного антиядерного движения «Невада – Семипалатинск», остановившего испытания на пяти ядерных полигонах мира. Через это движение народ обрёл себя во взаимодействии с миром, осознав свою сорокалетнюю боль как общую боль человечества.

«Балхашская сага» документально фиксирует то, как «походы в историю» в 1960–1980-е годы позволили казахстанцам совершить почти невозможное, воспитав поколение народа, который в момент исторического экстремума поднялся в рост и выступил против всеобщей угрозы жизни на Земле. Этот подвиг народа и его лидеров, достойный наивысших наград, не забудется никогда.

Спустя несколько десятилетий, в одном из последних интервью, Мурат Мухтарович произнёс: «...У нас есть страшный враг – незнание!»

Непримиримый борец с фрагментарностью сознания, он часто обращал внимание на историческую ловушку непреодоленных культурных разрывов, в которых мы оказались: в первой половине XX века такой образовался после трагической коллективизации, седентаризации, голода, исхода и репрессий против первого поколения национальной интеллигенции, а в начале XXI столетия – в результате объяснимого, но непродуманного разрыва с интеллектуальным и культурным опытом казахстанской интеллигенции советского периода.

Сменяются поколения, забываются знания, и в культуре наступают века молчания. Одной из таких непоправимых ошибок стало закрытие, может быть, лучшей за последние тридцать лет телепередачи – «Сенат аксакалов», выходившей на канале «Хабар». Я и сегодня пересматриваю два десятка тех прекрасных бесед. И понимаю, что для творческих возможностей нации не были использованы два последних года жизни Мурата Ауэзова и Торегельды Шорманова, ушедших с разницей в две недели летом 2024 года. На вопрос – что мы потеряли от этого? – ответят историки будущего.

Недавно Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО при Министерстве культуры и информации РК провёл VI международную конференцию в поддержку культуры знаний на тему «**Возрождение читающей нации**», собрав учёных, литераторов и дипломатов из стран, осознавших необходимость противостояния реальным факторам, блокирующим процесс развития книжной культуры во всем мире. В ней принял участие и Бахытжан Канапьянов.

Участники конференции поддержали инициативу центра, выдвинутую совместно с Союзом писателей ТЮРКСОЙ и Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова о необходимости возрождения социального и государственного заказа и системы производства и распространения книг с тем, чтобы начать процесс возрождения читающей нации.

«Больше 30 лет назад независимость в социальных явлениях распространилась и на книгу, породив в обществе независимость от книги». Следующие десятилетия, убеждены учёные, должны стать временем осознанной взаимозависимости книги и нации. Мы верим, что с этого начнётся возрождение читающей нации. Думаю, Мурат Мухтарович, много лет возглавлявший Национальную библиотеку, поддержал бы эту идею.

12 августа 2022 года мне повезло взять у него интервью, частью вошедшее в фильм «Странник осевого времени», который мы смонтировали под руководством Жан Бахыта. Это интервью ещё не было опубликовано. Но вот один из развёрнутых ответов Мурата Ауэзова на мой вопрос.

Игорь Крупко:

– Мурат Мухтарович, Вы сказали слово «гений». Для меня, как для представителя XXI века и исследователя исторической памяти, гений Вашего поколения наиболее ярко проявился в литературе 1960–1970-х, историософской прозе, дневниках, реже – научных статьях и часто – в даре устного слова. А что для Вас гениальность?

Мурат Ауэзов:

– Вопрос чрезвычайно сложный для меня с одной стороны, а с другой... Что касается меня самого, как-то получилось, что у меня потрясающие друзья, соратники по борьбе. Многие ушли из жизни, но это действительно потрясает: степень мобилизованности духа, интеллектуальная продуктивность в целом ряде имён. Философы, историки, люди разных специальностей. У нас была действительно замечательная среда – перипатетики, прогуливающиеся. То, что составляло нашу особенность – мы сражались. Это такой сражающийся интеллект, что не всегда приводит к выдающимся результатам в творчестве, но **борьба освобождала наш дух от робости**. Мы ходили, и мы сражались. Очень многое в этом – логика борьбы, достижение новых уровней самоосмысления личностного и для среды, и для народа своего. Это было предметом достаточно будничным, мы этим жили и продолжаем жить, и до сих пор живём. Поэтому чрезвычайная одарённость или гениальность – для меня абстракция, а вот вдохновенная серьёзная борьба приводила к большим результатам. Так мы обнаруживали и осевую эпоху, и другие категории. Нам важно было достичь простой цели. Мы жили в условиях тоталитарного режима и понимали, что являемся объектами государства, которое в нас заинтересовано как в не умеющих размышлять и думать.

Фрагментарное сознание – вот чего в головах каждого из нас добивалось это государство. То есть **«это помни, а этого не помни и не моги помнить»**. И мы были носителями фрагментарного знания, а фрагментарное знание разрушает разум и мыслительные способности. Поэтому нам было нужно воспринять нашу историю не как фрагментарную, кусковатую, а как нечто целое в движении и во взаимодействии. И здравый смысл нам подсказал: давайте решим для себя проблему начала – с какого времени мы начинаем свою историю? Понимаю, что история началась и в пещерные времена и так далее. Алан Георгиевич Медоев историю рассматривал вообще в геологических масштабах. Ну а мы для себя договорились, что берём за основу, – что явилось самой ужасающей трагедией, катастрофой для казахов в XX веке? Это коллективизация, уход в небытие огромной части населения в процентном отношении. Причём страшная форма смерти, когда мать выбирает между своими детьми, кого оставить в живых, а кто должен быть принесён в жертву. Да, коллективизация – это трагический финал конно-кочевой цивилизации. А где было начало?

И вот тогда мы и **вышли на осевую эпоху**. Время, когда на смену бронзе приходит железо. Простая вещь – удила – не окисляются как бронза. И конь становится средством покорения больших пространств. И отсюда всё уже пошло. Скажем, Китай строит Великую стену, а кочевники берут под контроль Великий Шёлковый путь. Дорога и стена. Так и идёт **взаимодействие культур, взаимоудивление, сближение**, и рождаются религии.

Мы это всё проанализировали: конфуцианство, даосизм, зороастризм, индийские верования, раннюю античность, греческий, арабоязычный мир. Всё это стало одной системой в движении. А нам важно было это ощутить, чтобы освободить своё самосознание, своё самоощущение от угнетённости, к которой нас принуждала тоталитарная система. По существу, она внедряла в нас рабское сознание, лишая возможности выбора и прослеживания закономерностей исторического процесса.

Нам крайне важно было этим овладеть для того, чтобы, научившись осмысливать эту реальность, как подлежащую для возможных перемен и изменений, а потом в самой действительности эти перемены произвести. И сейчас люди Авеля должны перестроить этот мир так, чтобы **ощущать себя в этом мире не рабами, не изгнанниками, а достойными субъектами этого мира**.

Идеалы свободы, независимости, огромный интерес к афро-азиатской литературе, которая была полна антиколониального содержания или латиноамериканской литературы, то есть там, где в мире происходили интеллектуальные процессы, которые могли бы нам **помочь в движении к своей вновь избранной звезде свободы** и независимости. Мы на это шли, и движение стало очень результативным. То мощное культурное движение – не выдумка. Ты правильно говоришь, что **60–70-е годы – это своего рода осевая эпоха в условиях XX века**. И никогда не было такой гордыни: «вот мы какие гениальные». А вот ощущение несправедливости – это, может быть, единственный дар человеческий. Это было жизнерадостное узнавание реалий мира. И на смену ужасающей продукции, которую в наше сознание вкладывали эти тоталитарщики, стало приходить оздоровление. Оттуда и любовь возродилась, и лирика пошла хорошая. Оздоровление – это процесс весенний.

Народ пережил потрясения, аналогичные гибели Аральского моря. Вот что происходило с казахами, с сознанием неотвратимой гибели. И всё это поднялось, а нам удалось влагу вернуть в почву. Её не извлечёшь, влагу из почвы, но без влаги почва рассыпается. И мы в этом смысле почвенники.

Необходимо понять, что **планетарное сознание изначально органично присуще шедеврам художественной мысли гения человеческого**. Во всех шедеврах мировой литературы, как в том же «Слове о полку Игореве» или в «Эпосе о Гильгамеше», есть главный мотив: **«свой не прав»**.

В эпоху осознанной взаимозависимости нужно благородно помочь человеку, чтобы встретилось сознание отдельных людей, родство которых на самом деле изначально. Может быть, тогда и не выведется на этой Земле так хорошо придуманный род человеческий...

* * *

...Пятнышко света, которое мы называем жизнью и где греемся на перекрёстке между двумя неравномерно черными вечностями, движется со скоростью времени на суд истории, благодаря нашей воле или дрейфуя, согласно безволию. Об эпохе судят по словам и поступкам каждого. Трудно, но необходимо измерять себя эпохой, как писал поэт: «час или минуту только эрой,

словно правду слов ничтожных верой...» Что мы представим на суд истории? Репертуар многообещающих компромиссов или драгоценные осколки истины? Чем отразимся во взглядах и делах современников?

Критики могут по-разному относиться к новым произведениям Бахытжана Мусахановича, но очевидно одно. Среди энергетического потока его житнетворчества любой критик неизбежно расшибается о великие вещи. И как ценна его память в эпоху культурного разрыва после антикнижной революции прошедших десятилетий...

История, безусловно, принадлежит поэту. Бахытжан Канапьянов обживает пространство прошлого, выполняя важную миссию – делая народ и его лидеров живыми героями письменной истории.

Идейное наследие XX века и его творцов важно вспомнить и по-настоящему осмыслить сейчас². Именно в горниле подвигов, ошибок и прозрений тех лет рождалась истина, ставшая основой будущего. Поэтому важно, чтобы новые произведения Бахытжана Канапьянова нашли великого читателя и наполнили нашу культуру знаниями о драматически великом времени.

...Прошлым летом в «Новой газете» были опубликованы воспоминания Олжаса Омаровича об ушедшем друге – Мурате Ауэзове:

«...Наделённый бойцовским характером, при всей своей природной деликатности, он был “невежлив” в поисках истины. Он остро ощущал, что набор разрозненных, лишённых внутренней взаимосвязи фактов прошлого – ещё не история. Подлинная история была для нас под запретом, который мы преодолевали, уходя на недоступные для истории казахов глубины.

Против фрагментарности исторической памяти восстал сын Мухтара Ауэзова и всё наше поколение, находившее вопросы в толпе восклицательных знаков официальной пропаганды, главным из которых был и остаётся “кто мы?” Я благодарен ему за годы, пройденные вместе...»

Эти слова о Мурате Мухтаровиче говорят о многом. Пусть душа его будет рада. Светлая. Ранимая. Непобедимая.

В день 80-летия Мурата Ауэзова

² Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН: AP23488969 «Обретение исторической субъектности и преодоление культурных травм в исторических нарративах творческой интеллигенции Казахстана (1951–1991 гг.)».